

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 30–41. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.141

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-30-41

ВЕРБАЛЬНЫЕ ХЕЗИТАТИВЫ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ БАШКИР (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ ДИСКУРСОВ)

*Лилия Айсовна Бускунбаева*¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии
ORCID: 0000-0003-3495-3742
e-mail: buskl@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Бускунбаева Л.А., 2024

Аннотация: Статья посвящена анализу вербальных хезитативов, функционирующих в большом количестве в башкирской устной речи. Материалом для исследования стали полевые записи автора, диалектные тексты, включенные в Текстологическую базу Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка. Исследуемый материал позволил выявить новые значения и функции слов, которые ранее не были исследованы лингвистами и не зафиксированы в лексикографических работах. Одной из таких лексических единиц выступают вербальные хезитативы, которые приобрели прагматическое значение в результате утраты лексического значения. Они играют значимую роль в организации устной речи, как вспомогательные и важные элементы для построения, реализации и восприятия речи, обеспечивая ее плавность и эффективность. В устной речи употребляются как исконные (*ни* 'это самое, как его (ее, их)'), так и заимствованные (*ну, так*) вербальные хезитативы. В качестве основных причин возникновения хезитативов рассматриваются коммуникативные затруднения в потоке речи, связанные с проблемой планирования структуры следующего фрагмента, подбора более уместного слова, соответствующего исходному замыслу говорящего либо припоминания конкретного слова, факта, дат, имен и названий.

Ключевые слова: башкирский язык, устный дискурс, хезитация, вербальный хезитатив, заимствованный хезитатив.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01343 «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01343/>).

Для цитирования: Бускунбаева Л.А. Вербальные хезитативы в спонтанной речи башкир (на материале диалектных дискурсов) // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 30–41. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-30-41.

Verbal hesitatives in spontaneous Bashkir speech (based on dialect discourses)

*Liliya Aysovna Buskunbayeva*¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
Ph.D. in Philology, Senior Researcher at the Department of Applied Linguistics and Dialectology
ORCID: 0000-0003-3495-3742
e-mail: buskl@yandex.ru

© IL RAS, 2024

© Buskunbayeva L.A., 2024

Abstract: The article is devoted to the analysis of verbal hesitatives functioning in large numbers in Bashkir oral speech. The data for the study was the author's field records, dialect texts included in the Textual database of the Dialectological Subfund of the Bashkir Language Machine Fund. The material under study made possible to identify new meanings and functions of words that had not previously been studied by linguists and were not recorded in lexicographic works. Among these lexical units are verbal hesitatives, which have acquired a pragmatic meaning as a result of the loss of lexical meaning. They play a significant role in the organization of oral speech, as auxiliary and key elements for the construction, implementation and perception of speech, ensuring its smoothness and effectiveness. In oral speech, both native (*ni* 'this is the same as his (her, their)') and borrowed (*nu, tak* 'well, so') verbal hesitatives are used. The main causes of hesitatives are considered to be communicative difficulties in the flow of speech caused by the problem of planning the structure of the next fragment, selecting a more appropriate word corresponding to the original intention of the speaker, or recalling a specific word, fact, dates, names and titles.

Keywords: Bashkir language, oral discourse, hesitation, verbal hesitative, borrowed hesitative.

Acknowledgement: The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01343 "Code-switching in Bashkir-Russian bilingualism (based on dialectal discourses)" (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01343/>).

For citation: *Buskunbayeva L.A.* Verbal hesitatives in spontaneous Bashkir speech (based on dialect discourses) // *Russian Turkology*. 2024. № 1–2 (42–43). P. 30–41. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-30-41.

Введение

Исследование устной речи является одним из актуальных и стремительно развивающихся направлений в современной лингвистике. Как отмечают А.А. Кибрик и В.И. Подлеская: «Наши представления о любом естественном языке являются неполными и даже искаженными, если они не основываются на данных устной формы этого языка» [Рассказы о сновидениях 2009: 26].

В башкирской лингвистике устная речь также остается одной из малоизученных сфер, не исследованы способы организации устной речи, не проанализированы лексические единицы, характерные только для данной формы языка.

В башкирской устной речи в большом количестве фиксируются вспомогательные единицы коммуникации, осуществляющие в потоке речи функции организационного и регулятивного характера.

Одни из них, например, позволяют указывать на начало (*бына* ‘вот’) или окончание смыслового отрезка (*шул* ‘вот; так; всё’, *шулай* ‘вот; так; всё; вот так’ и др.), другие же помогают фокусировать внимание собеседника на наиболее информативной составляющей с точки зрения говорящего (*бына* ‘вот’, *ошо* ‘это; вот’ и др.), выразить ту или иную эмоцию по отношению к сообщаемой им информации (*бына һиңә* ‘вот это да’, букв. ‘вот тебе’ (выражает удивление); *куй инде* ‘и не говори; к сожалению’ букв. ‘оставь уж’ (выражает сожаление, жалость); *кит әле* ‘и не говори; да брось’, букв. ‘уйди уж’ (выражает возражение), третьи призваны восполнить образовавшиеся паузы в процессе коммуникации (*ни* ‘это самое; как его там’, *теге* ‘того; это самое’).

Такие речевые единицы до недавнего времени лингвистами рассматривались как слова-паразиты или слова-сорняки [Виноградов 1947: 744; Зайнуллина 2002: 201; Щерба 1957: 269], представляющие собой «асемантические единицы речи, которые не несут информационной нагрузки и не выполняют дополнительных функций, имеющих отношение к информационному содержанию речи» [Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002: 253].

Употребление в речи таких речевых единиц ученые прежде считали неотвратимым и связывали с ограниченным словарным запасом, низким уровнем речевой культуры говорящего либо результатом незнания предмета речи [Розенталь, Теленкова 1985: 257–258; Кротова 2010: 239]. Однако, как отмечает В.А. Плунгян, «в языке все функционально, все для чего-то нужно. Если бы какой-то элемент языка ни для чего не был нужен, вряд ли бы он существовал» [Плунгян 2014].

Создание баз данных и корпусов по устной речи в значительной степени расширило диапазон исследований по данному направлению и предоставило возможность лингвистам анализировать различные аспекты устной речи, в том числе взглянуть на вспомогательные единицы коммуникации под другим ракурсом. На материале репрезентативных баз данных и электронных корпусов они рассматриваются не как засоряющие и избыточные элементы речи, а как вспомогательные и важные для построения, реализации и восприятия.

В лингвистической литературе за ними закрепились термины «дискурсивы» [Дыбо, Куканова, Егорова, 2019], «дискурсивные слова» [Викторова, 2014; Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993], «дискурсивные маркеры» [Шустова, Царенко 2018] и др.

До недавнего времени такие вспомогательные единицы коммуникации оставались вне поля зрения башкирских лингвистов в силу немногочисленного количества устных дискурсов.

Единственным бумажным изданием, содержащим транскрибированные диалектные тексты с переводом на русский язык, на сегодня являются «Образцы башкирской разговорной речи» [Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988]. Включенные в данную хрестоматийную книгу образцы устной речи из всех выделенных диалектных зон башкирского языка, как можно предположить, были в значительной степени отредактированы составителями и прошли определенную «шлифовку». Они в некоторой степени приведены к норме письменного языка, не учтены многие характерные для устной речи явления.

Ситуация начала меняться в 2017 г., когда сотрудники Лаборатории лингвистики и информационных технологий отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН (ныне отдел прикладной лингвистики и диалектологии) приступили к разработке

диалектного корпуса башкирского языка с привлечением транскрибированных текстов восточного диалекта, собранных и расшифрованных самими сотрудниками. Тексты размещены в Текстологической базе Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка [Диалектологический подфонд].

Диалектные тексты, отражающие живую речь носителей восточного диалекта башкирского языка, дают возможность исследовать не только лексические, фонетические и грамматические особенности диалектов, но и экстралингвистические элементы спонтанной речи (смех, кашель, вздохи, плач и т.д.), речевые сбои (паузы хезитации, оговорки, фальстарты, обрывы и т.д.), сопровождающие ее, которые дополнительно отмечены в базе [Бускунбаева, Сиразитдинов 2020: 93].

В рамках гранта РНФ «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» был собран богатый экспедиционный материал, охватывающий все три диалекта башкирского языка – восточный, южный и северо-западный. Устные дискурсы расшифровываются, основываясь на принципах транскрибирования и лингвистической разметки диалектного корпуса башкирского языка.

Материалом исследования послужили как полевые записи автора, так и транскрибированные тексты диалектного корпуса башкирского языка. В качестве основной формы данных дискурсов выступает монолог.

Данные тексты дают возможность на обширном материале выявлять и анализировать те аспекты живой речи, которые были ранее недоступны из-за недостаточного количества необходимого фактического материала, доступного широкому кругу исследователей.

Представительная база позволяет выявлять новые значения слов, определять их новые функции, выполняемые в системе языка и речи.

В данном исследовании проводится подробный лингвистический анализ одного из наиболее частотных пластов дискурсивов – вербальных хезитативов, зафиксированных в диалектных дискурсах.

1. Хезитация в башкирской устной речи

Научный интерес к одному из основных структурных компонентов устной речи – хезитации – с каждым годом увеличивается. Лингвисты в своих исследованиях проводят классификацию хезитативов, рассматривают функции того или иного маркера [Подлеская, Кибрик 2005; Подлеская, Кибрик 2007; Богданова-Бегларян 2014; Викторова 2014; Малов, Горбова 2007; Яковлева 2021]. В башкирском языкознании исследования в этом направлении только начинаются [Бускунбаева 2019; 2021].

Как известно, устная речь характеризуется спонтанностью, неподготовленностью, эмоциональностью и отсутствием времени на обдумывание. Процесс порождения речи происходит одновременно с процессом обдумывания, что нередко ведет к речевым сбоям, подразумевающим возникновение оговорок, повторов, самокоррекций, хезитационных пауз и т.д.

Основными причинами возникновения хезитативов являются коммуникативные затруднения в потоке речи, связанные с проблемой планирования структуры следующего фрагмента, подбора более уместного слова, соответствующего ис-

ходному замыслу говорящего либо припоминания конкретного слова, дат, названий и т.д., которые буквально «вылетели из головы» (*баштан сыккан*). Они могут быть также вызваны эмоциональным состоянием говорящего, например, взволнованностью или напряженностью. Как отмечает В.А. Плуноян, хезитатив, являясь необходимым средством для построения устной речи, «дает человеку в том числе и возможность перевести дух, расслабиться, продумать конструкцию фразы, не прекращая говорить» [Плуноян 2014].

Следовательно, утверждение ученых об употреблении данных речевых единиц только людьми с низкой культурой общения, со скудным словарным запасом не является корректным. Как показал исследуемый диалектный материал, они свойственны всем носителям языка независимо от пола, возраста или уровня образования. Однако чрезмерное употребление хезитативов в речи, в свою очередь, может негативно сказаться на восприятии получаемой информации и стать раздражающим фактором для слушателя. Вместе с тем, и отсутствие в речи вспомогательных речевых единиц производит «впечатление прагматической неправильности, а говорящий воспринимается как иностранец» [Levontina, Shmelev 2007].

В отечественной лингвистике классификация хезитационных пауз разработана достаточно полно [Александрова 2004: 10; Яковлева 2021: 101]. В качестве хезитационных пауз могут выступать незаполненные паузы, вздохи, покашливание, цоканье, прочищение горла для отвлечения внимания собеседника от временных речевых затруднений у говорящего, вокализованные паузы (э-э, ы-ы, м-м), удлинение звуков (*уйлайым эле-е* ‘(по)думаю еще’), асемантические единицы речи (*ни* ‘это самое’, *теге* ‘того’, *ну*), развернутые вербальные единицы (*нисек айтергэ* ‘как сказать’, *нимэ тиергэ* ‘что сказать’).

В данном исследовании будут рассмотрены вербальные хезитационные паузы, представленные асемантическими единицами речи.

Вербальные хезитативы могут быть представлены как полнозначными словами, так и служебными, которые в результате асемантизации основного значения начинают выполнять прагматическую функцию – заполнителя непреднамеренных пауз в устной речи.

В устной речи башкир зафиксированы как исконные (*ни*, *теге*), так и заимствованные (*ну*, *так*) вербальные хезитативы.

1.1. Вербальный хезитатив *ни* (разговорная форма *ней*)

Основным маркером хезитации в башкирском языке выступает вопросительное местоимение *ни* ‘это самое, как его (ее, их)’. В «Академическом словаре башкирского языка» также отмечается способность этого местоимения выступать в качестве заместителя того или иного слова: *Нималер айтергэ укталып, айта алмай торганда, һүз араһына иңдерелә* ‘Говорится между слов, когда забываешь, что сказать, или не можешь выразить свою мысль’ [Башкорт теленең академик һүзлеге 2014: 547].

Данный хезитатив применяется преимущественно при возникших у информанта коммуникативных затруднениях при подборе необходимой речевой единицы. Хезитатив *ни* в устной речи может заменить фактически любое полнозначное слово, выраженное существительным, глаголом или прилагательным.

Наибольшее количество запросов на «поиск» подходящей речевой единицы приходится на имена существительные: *аның баксаһынта #жымылысы# бар // ней (э-э) крыжовнигы бар // карагаты бар* ‘у нее в саду есть жимолость // есть / как его / крыжовник // есть смородина’; *башка () нейләр / мышынан башка нейзәр (э-э) йуж // бүре бик һирәк күренә инде алар // төлкөләр бар* ‘еще эти / кроме лосей других этих самых нет // волки они редко появляются // есть лисы’.

Информанты часто данным хезитативом заменяют и глаголы, которые не сразу всплыли в памяти. Хезитатив *ни* может принимать форму взаимного (*нитешеу*), возвратного (*нителеу*) или понудительного залогов (*нитеу*): *нигез-һәгезен нитешеп / күмәктәп эштәп сыктыг инде өйзә* ‘фундамент вместе это самое / общими силами построили дом и заселились’; *мна был өйзәңтенасы #просты # акбеләннителгән* ‘стены вот этого дома просто штукатуркой это самое сделано’; *без аны ана шул нитеп / хөрмәт итеп иҫкә алабыз инде* ‘мы его это самое / вспоминаем с большим уважением’.

Исследуемый хезитатив в потоке речи может заменить и прилагательные: *һалык шул тиклем дә ней булды инде / татыу булды бер береһе белән* ‘люди до того были этими самыми / были дружны между собой’; *йәй [без] беззә эсе / ней (..) йелһез* ‘лето у нас жаркое / как его / безветренное’.

Данный хезитатив, употребляясь в речи в функции поиска необходимого слова или словосочетания, получает несколько вариантов решения проблемы. Информант может тотчас же отреагировать и заменить его необходимым словом: *ун йезе йәштек кенә кыззы нейзән / Әпкәсимдән каләш итеп алып килде* ‘он привел невестку из / как его / из Апкасимово’; *ул нейгә / трассага тиклем () бара инде* ‘он же идет до этого самого / до трассы’.

Информант может договорить проблемный фрагмент с использованием хезитатива *ни*, а затем откорректировать его: *нейгә ат калхуздан ат биргәндәр эйе / сәт йыйырга* ‘колхоз выделил лошадь для этого / для сбора молока’; *#ишеу# әллә ниндей куркыныс нейзәр сөйзәйзәр / каникулга кайтканда / әжейәттәр* ‘еще рассказывают страшные эти / когда приезжали на каникулы / сказки’.

Хезитатив *ни* может и не корректироваться в речи, поскольку «конкретная коммуникативная ситуация, багаж знаний и контекст дают возможность реципиенту самому воссоздать требующий коррекции элемент речи без ущерба для правильного восприятия информации» [Бускунбаева 2021: 180]. Преимущественно исправлению не подвергается предикат, выраженный глаголом, так как имеющийся лексико-грамматический состав позволяет правильно «расшифровать» имплицитно выраженный предикат [Бускунбаева 2021: 180]: *Урал йылғаһыага // йәйгәнөбигерәк нейтеп китә // әлетаһкын* ‘протекает река Урал // летом она это самое // сейчас половодье’. Здесь лексико-грамматический состав позволяет правильно «расшифровать» вербальный хезитатив с функцией поиска. В данном примере хезитатив *нейтеу* заменяет предполагаемый по смыслу глагол *һайығыу* ‘мельеть, обмельеть’.

1.2. Вербальный хезитатив *теге*

В башкирской лингвистике данная лексема рассматривается как указательное местоимение, имеющее семантику дальности и противостоящее местоимению *был* ‘этот’.

Н.К. Дмитриев в «Грамматике башкирского языка» лексему *теге* также относит к разряду указательных местоимений: «*Теге* (...) указывает на предмет, о котором мы что-то знаем из предыдущего опыта (временное соотношение) или на территории которого мы в настоящее время находимся (пространственное соотношение)» [Дмитриев 1948: 99].

В «Академическом словаре башкирского языка» выделяются два основных оттенка употребления слова *теге*:

1. *Иштә, һүззә бер тапкыр булган кешегә йәки нәмәгә киренән тоскаганда әйтелә* ‘Употребляется при указании на кого-л. или что-л. уже известное или упоминавшееся’. Тот, те.

2. *Күззә тотолган бер кешегә, нәмәгә йәки төшөнсәгә тоскаганда әйтелә* ‘Употребляется при указании на кого-л. или что-л. подразумевающееся’. Тот. [Башкорт теленә академик һүзлегә 2016: 216].

В «Грамматике современного башкирского литературного языка» отмечается, что местоимение *теге*, наряду с местоимениями *шул*, *анау*, *ул*, указывает «на более удаленные предметы, знакомые до момента данной речевой ситуации» [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981: 155].

Как можно увидеть, в лингвистических исследованиях и в толковых словарях башкирского языка отмечается дейктическая (указательная) функция слова *теге*. В то же время функции *теге* в устной речи не исчерпываются только дейктической, их можно выявить намного больше.

В результате асемантизации основного значения указательное местоимение *теге* ‘тот’ в спонтанной речи приобретает прагматическое значение и начинает выступать в роли дискурсива. Полифункциональность данного дискурсива подтверждается многочисленными примерами его употребления.

В устной речи лишенный конкретного лексического содержания *теге* может выступать в функции акцентива для выделения наиболее информативного по мнению говорящего слова или речевого фрагмента. Данный дискурсив располагается препозитивно к акцентируемому слову и преимущественно произносится безударно, в то время как последующее за ним слово получает логическое ударение (*теге инәйем әйтмешләй / ир хәтер калтыра / каз төнөн йоконо калтыра* ‘как говорила вот моя мама / муж огорчает / гусь по ночам сон отнимает’).

В спонтанной речи данный дискурсив активно выполняет хезитативную функцию, заполняя непреднамеренные паузы в процессе речепроизводства. Чаще всего данный хезитатив используется при возникновении определенных трудностей в продолжении своей речи, построении дальнейшего речевого фрагмента (*теге (?...) ай(ы)на бер мәртәбә генә түгел / атна сайын акса бирәләр* ‘как там / деньги дают не каждый месяц / каждую неделю’) либо при столкновении с проблемой в припоминании деталей, касающихся темы разговора (*берәүе #смейный садик# // унда теге (э-э) йетеме / алтымы бала йөрөй* ‘один из них семейный садик // туда ходят / сколько там / или семь / или шесть детей’).

Данный хезитатив, в отличие от хезитатива *ни*, редко выступает в поисковой функции. Было зафиксировано только два примера, когда информант незамедлительно реагирует на проблемный фрагмент и корректирует его: *тегендәге (э-э) Йауымбайзагы өйзә (..) һатып / мынан өй һатып алдым инде* ‘продав там (э-э) в Яумбаево дом / купила дом здесь’; *тегеңә (..) #сталауайга# (ы-ы) туң бәрәңге*

китерэләр изе ‘туда (..) в столовую (ы-ы) привозили замерзшую картошку’. На хезитативную функцию указывает наличие паузы после хезитатива *теге*. Как показывают примеры, хезитатив принимает аффикс последующего слова.

2. Заимствованные вербальные хезитативы

Наряду с исконными вербальными хезитативами в башкирской устной речи функционируют и заимствования из русского языка.

2.1. Вербальный хезитатив ну

Анализируемые диалектные материалы показали высокий функциональный и прагматический потенциал дискурсива русского языка *ну* в башкирском языке. Он настолько адаптировался и вжился в устную речь башкир, что носители воспринимают его как исконную речевую единицу.

Исследуемый хезитатив *ну* зафиксирован в «Академическом словаре башкирского языка», где рассматривается как частица русского происхождения. В словаре выделено два его значения:

1. *Һүзгә, яуапка ыңғайлатып, һорау биргәндә әйтелә; йә.* ‘Употребляется при побуждении собеседника к ответу. Соответствует башкирскому *йә*’. Ну.

2. *Аптырау, гәжәпләнеүзе; борсолоу, үкенеүзе һ.б. белдерә; эй.* ‘Употребляется при выражении удивления, восхищения, беспокойства либо сожаления. Соответствует башкирскому *эй*’ [Башкорт теленең академик һүзлеге 2014: 588–589].

В башкирской устной речи у дискурсива *ну* спектр прагматических функций намного шире, чем представлен в академическом словаре. Полифункциональность данного дискурсива проявляется в его способности в процессе коммуникации выполнять самые различные прагматические роли. Он помогает говорящим обеспечивать связность и целостность речи, маркировать исправления (*ал йаланта / нуу (..) ал урманта йаңкызак күп була торгайны* ‘на этой поляне / ну-у, (..) в этом лесу было много земляники’), сфокусировать внимание реципиента на наиболее важной и информативной составляющей, коммуникативно и акцентуально выделяя ее, усиливать значение последующего слова (*нуу кыш озон бит беззә* ‘ну-у, зимы ведь очень длинные у нас’), придавать речи экспрессивности, эмоциональности, оценочности (*нуу холкон аның беләң бит инте* ‘ну-у, ты же знаешь его характер’ (выражает осуждение)).

Одной из наиболее распространенных функций данного дискурсива в устной речи является хезитативная, о чем свидетельствуют и исследования многих ученых [Ерофеева, Юшкова 2021: 17; Плунгян 2014] и др. Он предоставляет информанту время для подбора необходимой речевой единицы или формулировки следующего фрагмента речи: *у хәттем һыуык безең бумай #канешны# / нуу (...)* *утыз алты була* ‘у нас не бывают такие холода / конечно / ну-у (...) тридцать шесть бывает’; *өс-дүрт сүтйизан / нуу (э-э-э) / илле-алтмыш бизерә алабыз* ‘с трех-четырёх соток земли получаем / ну-у / пятьдесят-шестьдесят ведер’ (речь идет о картофеле).

2.2. Вербальный хезитатив *так / тәк*

В исследуемых диалектных дискурсах в хезитативной функции широко распространены и заимствованный *так / тәк*.

В толковом словаре башкирского языка *тәк* зафиксирован как русское заимствование. Оно рассматривается как модальное слово, употребляющееся для выражения согласия: «*Нимә менәндәр килешкәнде, риза булганды һ.б. белдерә. Так* (выражает согласие с чем- или кем-либо)» [Башкорт теленең аңлатмалы һүзлеге 2016: 737].

Как показывает анализируемый материал, значение данного слова в башкирской устной речи намного шире. Информанты очень часто используют данный хезитатив при припоминании какого-либо факта, дат, названий и т.д. (*шаан / беҙең ауыл тирәһендә / #таак# / нимәкәй әле ул? (..) (э-э) Буртәк тигән нейе бар инде / бәләкәй генә тау* ‘затем / возле нашей деревни / так / как там его? (..) (э-э) есть это самое / Буртек / небольшая гора’; *өй беҙең () #так# (..) #нисйат квадратных метрыф# тирәһе* ‘наш дом () так (..) примерно пятьдесят квадратных метров’). Употребление данного маркера хезитации часто сопровождается последующей самокоррекцией: *Аллаға шөкөр / утыз / #тәк# (..) утыз алты йыл йәшәб йаталар #ужы# әй* ‘слава Аллаху / вместе живем уже тридцать / так (..) тридцать шесть лет’.

Данный хезитатив часто произносится с удлинением гласного звука, тем самым давая информанту время на обдумывание: *техникумға кергән инем / шунан шуны (ы-ы) / тәк / һиксән икенсе йыл бөтөрҙөм мин* ‘поступил в техникум / затем его (ы-ы) та-ак / окончил в восемьдесят втором году’; *йетмеш сигезенсе йыл #кажется# // актйабыр айының (..) таак (э-э) әле синтйабыр / синтйабыр айының азағында () кар йаузы* ‘кажется / семьдесят восьмой год // в октябре (..) так (э-э) в конце сентября выпал снег’.

Заключение

Таким образом, в устной речи башкир нашли широкое распространение слова, которые в результате утраты лексических значений начинают выполнять прагматическую роль. Анализ базы данных и корпусов устной речи позволяет прийти к выводу о том, что диапазон употребления и количество значений слов, которые выполняют такую функцию, намного шире, чем указано в словарях.

Такие, казалось бы, лишние на первый взгляд слова служат для заполнения образовавшихся во время коммуникативного акта пауз. Говорящий за счет хезитативов выигрывает время на подбор нужного слова или формулировку следующего фрагмента речи. Основными маркерами хезитации могут выступать как исконные, так и заимствованные речевые единицы.

Литература

- Александрова 2004 – Александрова О.А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 24 с. {О.А. Aleksandrova. Speech-communicative status of the hesitation pause: Ph.D. diss. abstract. – Velikiy Novgorod, 2004. – 24 p.}
- Баранов, Плунгян, Рахилина 1993 – Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

- {*A.N. Baranov, V.A. Plungiyar, Ye.V. Rakhilina*. Guide to discursive words of the Russian language. – Moscow: Pomovskiy i partnery, 1993. – 207 p.}
- Богданова-Бегларян 2014 – *Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 3(27). – С. 7–20. {*N.V. Bogdanova-Beglaryan*. Pragmatemes in everyday speech: definition of the concept and general typology // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. – 2014. – Issue 3(27). – PP. 7–20.}
- Бускунбаева 2021 – *Бускунбаева Л.А.* Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // Oriental Studies. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 172–185. – DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185. {*L.A. Buskunbayeva*. Functioning of the verbal hesitation marker *ni / ney* ‘whatchamacallit’ in oral monologues of Bashkirs: A case study of Bashkir dialectal texts // Oriental Studies. – 2021. – Vol. 14. – No. 1. – PP. 172–185. – DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185.}
- Бускунбаева, Сиразитдинов 2020 – *Бускунбаева Л.А., Сиразитдинов З.А.* Разработка аудиокорпуса восточного диалекта башкирского языка: проблемы и перспективы // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2020. – № 2. – С. 90–97. {*L.A. Buskunbayeva, Z.A. Sirazitdinov*. Creating the audio corpus of the Eastern dialect of the Bashkir language: problems and prospects // Bulletin of Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – No. 2. – PP. 90–97.}
- Бускунбаева 2019 – *Бускунбаева Л.А.* Роль хезитационных пауз в башкирской диалектной речи (на материале диалектного корпуса башкирского языка) // Алтайское языкознание: проблемы и исследования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 150-летию первой «Грамматики алтайского языка». – Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2019. – С. 148–154. {*L.A. Buskunbayeva*. The role of hesitation pauses in Bashkir dialect speech (based on the data of the dialect corpus of the Bashkir language) // Altaic Linguistics: Problems and Research. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 150th anniversary of the first “Grammar of the Altai language”. – Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies, 2019. – PP. 148–154.}
- Викторова 2014 – *Викторова Е.Ю.* Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 27–34. {*Ye.Yu. Viktorova*. Functioning of discursive words with diffuse meaning // Bulletin of Tomsk State University. – 2014. – No. 383. – PP. 27–34.}
- Викторова 2014II – *Викторова Е.Ю.* Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 15–26. {*Ye.Yu. Viktorova*. Discursive words of different types in oral and written scientific speech // Philology and Human. – 2014. – No. 4. – PP. 15–26.}
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.–Л.: Учпедгиз. – 784 с. {*V.V. Vinogradov*. The Russian language: grammatical study about the word. – Moscow–Leningrad: Uchpedgiz, 1947. – 784 p.}
- Грамматика современного башкирского литературного языка 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с. {Grammar of modern Bashkir literary language / Ed. by A.A. Yuldashev. – Moscow: Nauka, 1981. – 495 p.}
- Диалектологический подфонд – Диалектологический подфонд Машинного фонда башкирского языка. – URL: mfbl2.ru/mfbl/bashdial (дата обращения: 15.03.2024). {Dialectological subfund of the Bashkir Language Machine Fund. – URL: mfbl2.ru/mfbl/bashdial (access date: 15.03. 2024).}
- Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. – 280 с. {*N.K. Dmitriyev*. Grammar of the Bashkir language. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. – 280 p.}
- Дыбо, Куканова, Егорова 2019 – *Дыбо А.В., Куканова В.В., Егорова Н.Г.* Частица *же* в калмыцком языке: этимология, функционирование и семантика (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов) // Oriental Studies. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 1176–1188. – DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188>. {*A.V. Dybo, V.V. Kukanova, N.G. Yegorova*. Kalmyk particle *же*: etymology, functioning and semantics (based

- on the Kalmyk National Corpus and informants' data) // *Oriental Studies*. – 2019. – Vol. 12. – No. 6. – PP. 1176–1188. – DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188>.}
- Ерофеева, Юшкова 2021 – *Ерофеева Е.В., Юшкова С.Е.* Дискурсивные слова в устной спонтанной речи: социальное, индивидуальное и тематическое варьирование // Социо- и психолингвистические исследования. – 2021. – Вып. 9. – С. 15–26. {*Ye.V. Yerofeyeva, S.Ye. Yushkova.* Discursive words in oral spontaneous speech: Social, individual and thematic variation // *Social and Psycholinguistic Studies*. – 2021. – Issue 9. – PP. 15–26.}
- Зайнуллина 2002 – *Зайнуллина Г.Д.* Русско-башкирский терминологический словарь по языкознанию. – Уфа: БГУ, 2002. – 280 с. {*G.D. Zaynullina.* Russian-Bashkir terminological dictionary of linguistics. – Ufa: Bashkir State University, 2002. – 280 p.}
- Кротова 2010 – *Кротова Л.Г.* Чистота речи или употребление слов-паразитов на телевидении // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10. – Ч. 1. – С. 238–242. {*L.G. Krotova.* Purity of speech or the use of parasite words on television // *Value System of Modern Society*. – 2010. – No. 10. – Part 1. – PP. 238–242.}
- Малов, Горбова 2007 – *Малов Е.М., Горбова Е.В.* Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной речи». – СПб.: СПИИРАН, 2007. – С. 31–37. {*Ye.M. Malov, Ye.V. Gorbova.* Discursive words in Russian colloquial speech (based on the analysis of spontaneous colloquial speech) // *Proceedings of the 1st interdisciplinary seminar “Analysis of colloquial speech”*. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute for Informatics and Automation (RAS), 2007. – PP. 31–37.}
- Плунгян 2014 – *Плунгян В.А.* «Ну» – одно из древнейших индоевропейских слов [Электронный ресурс] // Постнаука. – 2014. – URL: <https://postnauka.ru/talks/27774> (дата обращения: 03.05.2024). {*V.A. Plungyan.* “Nu” as one of the oldest Indo-European words [Electronic source] // *Postnauka*. – 2014. – URL: <https://postnauka.ru/talks/27774> (access date: 03.05.2024).}
- Подлеская, Кибрик 2005 – *Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог. – М., 2005. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (дата обращения: 03.05.2024). {*V.I. Podlesskaya, A.A. Kibrik.* Correction of errors in oral spontaneous speech: experience of corpus research [Electronic source] // *Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Dialogue*. – Moscow, 2005. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (access date: 03.05.2024).}
- Подлеская, Кибрик 2007 – *Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. – 2007. – Т. 2. – № 23. – С. 2–23. {*V.I. Podlesskaya, A.A. Kibrik.* Speaker self-corrections and other types of speech errors as an object of annotation in oral speech corpora // *Scientific and Technical Information Processing*. – 2007. – Vol. 2. – No. 23. – PP. 2–23.}
- Рассказы о сновидениях 2009 – Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / Ред. А.А. Кибрик, В.И. Подлеская. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 736 с. {*Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse* / Ed. by A.A. Kibrik, V.I. Podlesskaya. – Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2009. – 736 p.}
- Розенталь, Теленкова 1985 – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с. {*D.E. Rosenthal, M.A. Telenkova.* Reference dictionary of linguistic terms. – Moscow: Prosveshcheniye, 1976. – 543 p.}
- Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002 – Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. – Т. 2. – 720 с. {*Russian encyclopedic dictionary of the humanities*. – Moscow: VLADOS Publishing Centre for the Humanities; St. Petersburg: Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, 2002. – Vol. 2. – 720 p.}
- Шустова, Царенко 2018 – *Шустова С.В., Царенко Н.М.* Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 21–23. – DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-3. {*S.V. Shustova, N.M. Tsarenko.* Discursive markers as a means of forming pragmatic linguistic competence // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. – 2018. – Vol. 4. – No. 2. – PP. 21–23. – DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-3.}

- Щерба 1957 – *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с. {*L.V. Shcherba*. Selected works on the Russian language. – Moscow: Uchpedgiz, 1957. – 188 p.}
- Яковлева 2021 – *Яковлева Э.Б.* Феномен речевых хезитаций. – М.: ИНИОН РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2021. – 215 с. {*E.B. Yakovleva*. Phenomenon of speech hesitations. – Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Centre for Humanitarian Scientific and Information Research, 2021. – 215 p.}
- Levontina, Shmelev 2007 – *Levontina I., Shmelev A.* False emptiness: are so called “parasitical words” really semantically void? [electronic source]. – URL <https://www.semanticscholar.org/author/I.-Levontina/65991029> (access date: 20.05.2024).
- Башкорт теленең академик һүзлеге 2014 – Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. – Т. VI: (Л–Ө хәрефтәре) / Ф.Г. Хисамитдинова редакцияһында [Академический словарь башкирского языка: в 10 томах. – Т. VI: (Буквы Л–Ө) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой]. – Өфө: Китап, 2014. – 944 б. {Academic dictionary of the Bashkir language: in 10 vols. – Vol. 6: (Letters L–Ö) / Ed. by F.G. Khisamitdinova. – Ufa: Kitap, 2014. – 944 p.} (In Bashkir.)
- Башкорт теленең академик һүзлеге 2016 – Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. – Т. VIII: (Т хәрефе) / Ф.Г. Хисамитдинова редакцияһында [Академический словарь башкирского языка: в 10 томах. – Т. VIII: (Буква Т) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой]. – Өфө: Китап, 2016. – 832 б. {Academic dictionary of the Bashkir language: in 10 vols. – Vol. 8: (Letter T) / Ed. by F.G. Khisamitdinova. – Ufa: Kitap, 2016. – 832 p.} (In Bashkir.)
- Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988 – Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр / Ред. Н.Х. Мәксүтова [Образцы башкирской разговорной речи / Ред.: Н.Х. Максютлова]. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1988. – 224 б. {Samples of Bashkir colloquial speech / Ed. by N.Kh. Maksyutova. – Ufa: Bashkortostan Publishing House, 1988. – 224 p.} (In Bashkir.)